

Джо Хилл Воскрешение Мои Конроя

Аннотация

Джо Хилл — популярный писатель, автор романа «Коробка в форме сердца» («Heart-Shaped Box») и сборника рассказов «Призраки двадцатого века» («20th Century Ghost») — книг, которые были удостоены премии Брэма Стокера. За свою новеллу «Добровольное заключение» («Voluntary Committal») он получил Всемирную премию фэнтези, а за рассказ «Лучший новый ужас» («Best New Horror») — Британскую премию фэнтези и премию Брэма Стокера. В данный момент Хилл совместно с художником Габриелем Родригесом работает над созданием мини-серии комиксов «Замок и ключ» («Locke & Key»), Почти в то же время, что и данная антология, выходит включающее в себя все выпуски издание «Замка и ключа» в твердом переплете.

О «Воскрешении Бобби Конроя» Хилл говорит, что этот рассказ представляет собой историю о мужчине и женщине, в прошлом испытывавших друг к другу романтические чувства, которые случайно встречаются в массовке на съемках фильма «Рассвет мертвецов» в 1977 году. «Теоретически, это рассказ о любви, — комментирует Хилл. — Но на самом деле это рассказ о моей двадцатилетней любви к фильмам о зомби, снятым Джорджем Ромеро».

Джо Хилл Воскрешение Мои Конроя

Бобби узнал ее не сразу. Она тоже была изувечена. У всех тридцати человек, прибывших первыми, были раны.

Грим накладывал Том Савини собственной персоной.

Лицо этой женщины имело серебристо-голубой оттенок. Под ввалившимися глазами залегли темные круги. На месте правого уха зияла глубокая рваная рана, можно сказать, дыра в коже, и была видна мокрая красная кость. Они сели рядом на каменный парапет вокруг не работавшего сейчас фонтана. Она положила на колени свою часть сценария — всего-то три страницы, скрепленные степлером, — и просматривала ее, сосредоточенно хмурясь. Бобби уже прочитал свою часть, пока стоял в очереди на грим.

О Гарриет Резерфорд ему напомнили ее джинсы. На них было большое количество заплаток, похожих на кусочки платков: красные и синие квадратики ткани с набивным рисунком-пейсли. Гарриет всегда носила такие джинсы. Подобные заплатки на затянутых в джинсы женских попках мгновенно заводили Бобби.

Он провел взглядом вдоль ее согнутых ног, вниз по джинсовому клешу до голых ступней. Она сидела, скинув сандалии, и массировала пальцами одной ноги пальцы другой. Когда он это увидел, то почувствовал, как сердце подпрыгнуло в каком-то болезненно-радостном возбуждении.

— Гарриет? — позвал он. — Неужели передо мной малышка Гарриет, которой я в школе посвящал любовные стихи?

Она посмотрела на него через плечо, скосив взгляд. Она могла не отвечать, потому что он уже точно ее узнал. Смотрела она долго, основательно, и через некоторое время ее глаза будто расширились от удивления. Они были совершенно живого, ярко-зеленого цвета, и ему показалось, что в них на секунду промелькнуло волнение, означавшее, что она тоже его узнала. Но потом она отвернулась, снова уставившись в страницы.

— Никто мне никаких стихов не посвящал, — сказала она. — Я бы запомнила. И умерла бы от счастья.

— Когда нас оставляли после уроков отбывать наказание. Помнишь, как мы получили две недели за пародию на шоу поваров? Ты вырезала из огурца член. Потом сказала, что его нужно тушить в течение часа и засунула себе в штаны. Это же самая лучшая шутка в истории школьного комедийного кружка!

— Не знаю. У меня хорошая память, но что-то я не припомню никакого школьного комедийного кружка. — Она продолжала смотреть в листы бумаги, лежавшие на коленях. — Может, ты помнишь что-нибудь конкретное из этих воображаемых стихов?

— В смысле?

— Хотя бы строчку. Если ты процитируешь что-нибудь из этих стихов, — хоть одну душераздирающую строчку, — то, вероятно, я сразу все вспомню.

Сначала он не был уверен, что сможет. Он посмотрел на нее пустым взглядом и, оперев язык в нижнюю губу, судорожно попытался восстановить в памяти хоть самую малость, но голова отказалась работать.

Но затем его рот раскрылся, и он стал говорить, одно за другим вспоминая слова:

— Обожаю смотреть, как ты моешься в душе. Нет для меня зрелища лучше. Когда ты мылишь свою грудь...

— ...Мне сразу сильно джинсы жмут! — закончила Гарриет, поворачиваясь к нему всем корпусом. — Черт побери, Бобби Конрой, иди скорее сюда обниматься, только смотри не испорти мне грим!

Он наклонился и обнял ее худенькую фигурку. Потом закрыл глаза и сжал ее крепче, чувствуя себя нелепо счастливым, наверное, самым счастливым после переезда назад к родителям. И дня не проходило здесь, в Монровилле, чтобы он не вспоминал о ней. Он страдал от депрессии и мечтал об этой встрече, причем его мысли начинались именно с такой сцены. Хотя нет, не совсем с такой, так как он не предполагал, что когда они встретятся, то будут загримированы под полуразложившиеся трупы. Но в целом примерно с такой.

Просыпаясь по утрам в спальне, расположенной над родительским гаражом, он ощущал себя подавленным и вялым. Подолгу не вставая со старого слежавшегося матраса, он смотрел сквозь окна в крыше. Они были серыми от пыли, и через них небо всегда выглядело матово-белым и плоским. Ему не хотелось вставать вообще. Он еще помнил, как когда-то просыпался в этой самой постели с верой в безграничность собственных возможностей, так свойственной подросткам, и с полным зарядом энтузиазма на день. Эта память только усугубляла его состояние. Мысли о новой встрече с Гарриет, о возвращении к их старой дружбе, которые зачастую перетекали у него в мысли о сексе, потому что он не забыл, как бывал с ней в гараже ее отца, как она лежала на спине на заляпанном бетонном

полу, широко раскинув худенькие ноги в носках, хоть как-то разгоняли его кровь, заставляя двигаться дальше. Все другие мысли были шипастые. Разбирая их, он получал очень болезненные уколы.

Они так и стояли обнявшись, пока их не привел в чувство детский голос поблизости:

— Мам, кто это?

Бобби Конрой открыл глаза и перевел взгляд направо, откуда слышался голос. На них пристально смотрел маленький синелиций мальчик-зомби с мягкими черными волосами и в фуфайке с капюшоном, который он натянул на голову. Бобби почувствовал, что объятия Гарриет становятся слабее. Медленно она опустила и убрала руки. Бобби еще некоторое время смотрел на мальчика, — он дал бы ему лет шесть, не больше, — а потом перевел взгляд на руку Гарриет и увидел на безымянном пальце обручальное кольцо. Бобби снова посмотрел на малыша и заставил себя улыбнуться. В течение этого года он побывал на более чем семиста прослушиваниях в Нью-Йорке, и у него был в запасе целый каталог фальшивых улыбок.

— Здорово, приятель. Я Бобби Конрой. Твоя мама и я знаем друг друга очень, очень давно, с первобытных времен, когда по земле бродили мастодонты!

— И меня тоже зовут Бобби, — отозвался мальчик. — А ты много знаешь про динозавров? Я очень люблю динозавров!

Бобби почувствовал, что у него сжимается сердце. Он бросил взгляд на Гарриет, хотя не хотел смотреть на нее в данный момент. Но не удержался и обнаружил, что Гарриет наблюдает за ним, улыбаясь. Натянуто, неестественно.

— Имя выбрал мой муж, — объяснила она, неизвестно почему похлопав его по ноге. — В честь кого-то из «Янкиз».¹ Он сам из Олбани.

— Ну я знаю только про мастодонтов, — ответил Бобби малышу, удивившись при этом, что его голос даже не дрогнул. — Это такие огромные мохнатые слоны высотой со школьный автобус. Давным-давно они паслись по всему Пенсильванскому плато и везде оставляли какашки размером с маленькую гору. На одной из таких гор люди позже построили Питсбург.

Малыш хихикнул и исподтишка посмотрел на мать, вероятно, чтобы увидеть, как она отреагирует на слово «какашки», произнесенное так запросто. Но она не возражала и только улыбалась.

Тут Бобби заметил руку мальчика и отпрянул.

— Фу-у! Это самая клевая рана из всех, которые я сегодня видел. Это что, накладная рука?

У малыша не хватало трех пальцев на левой руке. Бобби дернул ее, ожидая, что протез снимется. Но под слоем синего грима была теплая детская ручка, и мальчик отобрал ее у Бобби.

— Нет, — сказал он. — Это моя. Она просто такая.

Бобби залился краской стыда так, что у него запылали уши, и он обрадовался, что загримирован. Гарриет легко прикоснулась к его руке.

— У него на самом деле нет трех пальчиков, — сказала она.

Бобби посмотрел на нее, пытаясь сформулировать извинение. Ее улыбка сейчас была несколько напряженной, но вроде она не злилась, и то, что ее рука касалась его, было хорошим знаком.

— Я сунул ее в настольную пилу, но ничего не помню, потому что был маленький, — объяснил малыш.

— Дин занимается пиломатериалами, — сказала Гарриет.

— Дин тоже где-то здесь бродит? — спросил Бобби и стал озираться по сторонам, театрально вытянув шею, хотя, конечно, понятия не имел, как выглядит Дин.

Два этажа торгового центра, выходившие в основной зал, были наводнены людьми, загримированными, как и они, под недавно убиенных. Зомби сидели на скамейках, стояли

---

¹ Видимо, имеется в виду знаменитая бейсбольная команда «Нью-Йорк Янкиз».

группками, разговаривали, подшучивали на уродством друг друга или читали розданные им напечатанные страницы сценария. Торговый комплекс был закрыт, а стальные решетки у входных дверей опущены. В здании находились только зомби и съемочная группа.

— Нет, он привез нас сюда и уехал на работу.

— В воскресенье?

— У него свое собственное дело.

Нельзя было желать лучшего момента для какого-ни-будь убойного каламбура, и Бобби задумался, подыскивая нужные слова. Но потом ему пришло в голову, что изобретать шутки на тему воскресных занятий Дина в присутствии его жены и малолетнего сына скорее всего неправильно, даже несмотря на то, что они с Гарриет когда-то были закадычными друзьями и звездами школьного комедийного кружка. Бобби ограничился только простым:

— Вот как? Ну ладно.

— Мне нравится этот большой страшный порез у тебя на лице, — сказал малыш, показывая на лоб Бобби, украшенный жуткой раной. Кожа была разодрана до кости. — Правда ведь, человек, который нам это сделал, крутой?

Бобби действительно поражался тому, что вытворял Том Савини. Гримируя Бобби, он то и дело заглядывал в книгу с разными фотографиями со вскрытий: люди с несчастными изувеченными лицами были по-настоящему мертвы и никогда не восстанут из могил, чтобы насладиться чашечкой кофе за столиком кафе, обслуживающего съемки. Савини изучал раны как настоящий ценитель и знаток, как художник, созерцающий источник своего вдохновения.

Однако Бобби понял, что именно малыш имел в виду. Савини, в черной кожаной косухе, байкерских ботинках, при черной бороде и знаменательных бровях, густых, черных и загнутых вверх, как у Мистера Спока или Белы Лугоши,² был похож на кумира поклонников дет-металла.

Кто-то захлопал в ладоши. Бобби огляделся. Режиссер Джордж Ромеро, человек-медведь, более шести футов ростом, с густой коричневой бородой, стоял недалеко от входа на эскалатор. Бобби отметил, что многие члены съемочной группы носили бороды и длинные волосы. Одеты они были в воинственно-неформальном стиле и обуты в берцы, как у Савини, так что они все сильно смахивали на диссидентствующих революционеров.

Бобби, Гарриет и маленький Боб подошли к другим статистам, собравшимся послушать, что скажет Ромеро. Говорил он уверенным басом, а когда ухмылялся, то у него на щеках появлялись ямочки, которые были видны даже сквозь бороду. Он спросил, знает ли кто-нибудь из присутствующих что-либо о кинематографе. Несколько человек, включая Бобби, подняли руки. Ромеро вознес за это хвалу Богу, и все засмеялись. Он сказал, что рад всех их приветствовать в мире крупнобюджетных голливудских картин, и все снова захохотали, потому что Ромеро снимал только в Пенсильвании, и все знали, что у «Рассвета мертвецов» бюджет ниже плинтуса, практически нулевой. Ромеро поблагодарил их за то, что они пришли, и сообщил, что за десять часов изматывающей работы, которая потребует от них огромного напряжения, им заплатят наличными сумму столь огромную, что он стесняется произнести ее вслух. Он поднял руку с зажатой в ней долларовой купюрой, и его слушатели опять загоготали. На этом Том Савини, который был на втором этаже, перегнулся через перила и крикнул:

— Чего смеетесь, это больше, чем мы сами получим за работу над этой фигней!

— Для многих из нас все это — работа ради любимой работы, — сказал Джордж Ромеро. — Вот, например, Том здесь именно потому, что обожает размазывать по физиономиям гной.

Кто-то в толпе, окружавшей Ромеро, простонал:

— Гной-то ненастоящий, искусственный!

— Ждите, ненастоящий, — откуда-то сверху отозвался Савини, которого уже не было

---

² Мистер Спок — герой сериала «Звездный путь». *Бела Лугоши* — актер, создавший классический типаж графа Дракулы.

видно у перил.

Снова раздался смех. Бобби было кое-что известно о комической разрядке на съемках, и у него возникло подозрение, что этот маленький диалог был отрепетирован и повторялся уже не один раз.

Ромеро стал рассказывать сюжет. Мертвецы возвращались к жизни, им нравилось пожирать людей, и правительство потеряло контроль над этой кризисной ситуацией. Четверо главных героев укрылись в торговом центре. Здесь Бобби отвлекся и обнаружил, что смотрит на другого Бобби, сына Гарриет. У малыша было длинное серьезное лицо, глаза цвета темного шоколада и спутанные прямые черные волосы. Откровенно говоря, ребенок был немного похож на самого Бобби, у которого тоже были карие глаза, худое лицо и густая черная шевелюра.

Бобби подумалось, что, может быть, они и с Дином похожи. От этой мысли его бросило в жар. Что, если Дин заедет проведать Гарриет и Боба и окажется, что внешне это его близнец? Эта мысль настолько его растревожила, что он почувствовал слабость, но потом опомнился. Он был загримирован под ходячий труп, синелицый, со страшной раной на голове. Даже если они с Дином и были похожи, то сходства никто не заметит.

Ромеро заканчивал давать указания насчет походки зомби. Он изобразил, как надо ходить, закатив глаза и ослабив мышцы лица, и потом объявил, что съемка первых сцен начнется уже через несколько минут.

Гарриет резко развернулась к нему, уперев руки в бока и часто театрально моргая. Но он повернулся к ней в тот же самый момент, и они практически врезались друг в друга. Она было открыла рот, чтобы заговорить, но не нашла подходящих слов. Они стояли совсем рядом, и эта физическая близость неожиданно ее напугала. Бобби тоже не знал, что сказать, все мысли разом будто исчезли. Гарриет засмеялась и помотала головой. Ее реакция показалась ему ненатуральной: она была скорее выражением беспокойства и нервного возбуждения, но никак не радости.

— Ну что, вперед, товарищ, — сказала она.

Бобби вспомнил, что когда не ладилась сценка и Гарриет это раздражало, то она начинала изображать персонаж в стиле Джона Уэйна.³ Нервная привычка, которую он в свое время просто ненавидел, сейчас удачно разрядила атмосферу между ними.

— Скоро уже мы будем что-нибудь делать? — спросил маленький Боб.

— Скоро, — ответила Гарриет. — Давай-ка, потренируйся ходить, как зомби. Пошастай тут немножко.

Бобби и Гарриет снова присели на край фонтана. Сжав руки в маленькие костлявые кулачки, Гарриет положила их на колени. Станным взглядом, обращенным внутрь себя, она уставилась на руки на коленях. И снова принялась массировать пальцами одной ноги пальцы другой. Бобби нарушил молчание. В конце концов, кто-то из них должен был заговорить первым.

— Не могу поверить, что ты замужем и у тебя ребенок, — начал он веселым и удивленным тоном, который всегда использовал, когда друзья в очередной раз сообщали ему, что получили роль, на которую он только что прослушивался. — Мне нравится твой пацан. Симпатяга. Хотя как может не понравиться этаким полуразложившийся малец?

Она вернулась к нему из мира своих размышлений и робко улыбнулась.

— Давай-ка выкладывай все про твоего Дина, — продолжал Бобби.

— Он заедет чуть позже. Отвезет нас пообедать. Поедешь с нами?

— Ну конечно! — воскликнул Бобби, отметив про себя, что надо бы постараться продемонстрировать поменьше энтузиазма.

— Дин всегда стесняется, когда его знакомят с новыми людьми, так что не жди от него многого.

— Да ладно. — Бобби снисходительно помахал рукой, давая Гарриет понять, что все будет нормально. — Мы найдем о чем потрепаться. Я всегда был равнодушен к темам

---

³ Джон Уэйн — актер, «король» американского вестерна.

деревообработки и производства фанеры.

Подтрунивая над ее мужем, которого совсем не знал, Бобби шел наугад. Но Гарриет только усмехнулась и сказала:

— Да, пожалуйста, можешь выпросить у него все про размеры досок. Задавай любые неприличные вопросы, даже те, которые ты всегда стеснялся задать.

Какое-то время они оба немного глупо улыбались, сидя рядом и практически соприкасаясь коленями. Они так и не научились разговаривать друг с другом. Они ощущали себя наполовину на сцене, стараясь использовать слова друг друга в качестве отправной точки для какой-нибудь хохмы. Совсем ничего не изменилось.

— Мне никак не верится, что мы с тобой встретились тут, — сказала Гарриет. — Мне было очень интересно, что с тобой происходит. Вообще я много о тебе думала.

— Правда?

— Я думала, что ты уже знаменит.

— Ха, теперь нас таких двое, думавших, — сказал Бобби и подмигнул ей. И тут же раскаялся. Это были фальшивые эмоции, а он не хотел фальшивить с Гарриет. Он поспешно заговорил, отвечая на вопрос, который она не задавала: — Я собираюсь осесть. Вернулся сюда месяца три назад. Живу пока с родителями, повторно адаптируюсь к Монровиллю.

Она кивнула, не отводя от него взгляда, серьезного настолько, что Бобби стало не по себе.

— Ну и как, получается?

— Потихоньку, понемногу, — солгал Бобби.

В перерывах между сценами Бобби, Гарриет и маленький Боб сочиняли истории о том, как они покинули этот мир.

— Я работал комедийным актером в городе Нью-Йорке, — рассказывал Бобби, ощупывая рану у себя на голове. — И один раз, когда я был занят в спектакле, произошло ужасное.

— Ага, — встряла Гарриет. — Объявили твой выход.

— Произошло то, чего раньше никогда не случалось.

— Что? Неужели кто-то в зале засмеялся?

— Нет, я в тот день был в ударе. Зрители катались по полу от смеха.

— Они просто бились в агонии.

— И вот когда я вышел на поклон, произошло несчастье. Работник сцены, который находился наверху под потолком, уронил мне на голову сорокафунтовый мешок с песком. И я умер под гром аплодисментов!

— Просто зал аплодировал этому монтеру, — сказала Гарриет.

Малыш Боб серьезно посмотрел на Бобби и взял его за руку:

— Мне очень жаль, что тебя стукнули по голове. — Он прикоснулся сухими губами к костяшкам Бобби.

Бобби уставился на него сверху вниз. Его руку слегка щекотало в том месте, где малыш ее поцеловал.

— Он всегда был самым ласковым, самым жалостливым ребенком на свете, — объяснила Гарриет. — В нем столько сочувствия ко всем. При любом крошечном проявлении слабости он готов кинуться человеку на шею, чтобы пожалеть. — Она потрепала сына по волосам. — А тебя что прикончило, малявка?

Малыш поднял руку и пошевелил обрубками пальцев:

— У меня пальцы попали в папину пилу, и я умер от потери крови.

Гарриет улыбнулась, но ее взгляд слегка затуманился. Она засунула руку в карман и выудила монетку.

— Иди купи себе жвачку, детка.

Мальчик схватил деньги и убежал.

— Мы, наверное, кажемся безответственными родителями, — сказала Гарриет, провожая сына отсутствующим взглядом. — Но в этой истории с пальцами никто не виноват.

— Я и не подумал, что вы виноваты.

— Пила была выключена, да ему и не было еще двух лет! До этого он никогда ничего не включал в розетку. Мы не думали, что он умеет. И Дин был с ним. Все случилось очень быстро. Ты представляешь себе, сколько разных обстоятельств должно было совпасть, чтобы это произошло? Дин думает, что его напугал звук заработавшей пилы и он протянул руку, чтобы ее остановить, потому что боялся, что ему влетит. — Она замолчала на минуту, наблюдая за тем, как ее сын покупает в автомате жвачку, а затем продолжила: — До этого я считала, что ребенок — это та часть моей жизни, в которой я все сделаю правильно. Не допущу никаких проколов. Ничего не испорчу. Я думала о том, как ему исполнится пятнадцать и в него влюбится самая красивая девчонка в школе. О том, как он у меня будет играть на пяти инструментах и как все обалдеют от его талантов. О том, что у него будет шикарное чувство юмора и все будут его знать. — Она немного помолчала и добавила: — Теперь ему точно придется научиться шутить. С шутниками всегда что-то не так. Поэтому им приходится шутить и смещать внимание людей с себя на другие вещи.

Во время паузы, которая последовала за этим утверждением, Бобби посетили одна за другой три мысли. Первая была о том, что он сам всегда шутил и слыл хохмачом в школе. Думала ли Гарриет, что с ним что-то не так и что он компенсирует это шутками? Потом он подумал, что и Гарриет тоже все время хохмила, и спросил себя, что не так с ними обоими? Наверное, что-то в этом было, а иначе они были бы сейчас вместе, а малыш, стоящий у автомата со жвачкой, был бы их сыном. Следующая мысль была о том, что если бы маленький Боб был их маленьким Бобом, то у него были бы все десять пальчиков.

У Бобби вдруг появилось настоящее отвращение к Дину-дровосеку, невежественному тупице, который думает, что проводить время с ребенком означает таскать его по ярмаркам и смотреть, как грузовики тягают бульдозер.

На этой мысли помощница режиссера захлопала в ладоши и громко призвала зомби занять свои места. Маленький Боб вернулся к ним.

— Мам, ты еще не рассказала нам, как умерла, — сказал он, жуя жвачку и глядя прямо на ее оторванное ухо.

— А я знаю, — сказал Бобби. — В одном торговом центре она столкнулась со своим старым приятелем, и они заболтались. Заболтались, что надо, стояли несколько часов и трепались о том о сем. Ну потом ее приятель и говорит, слушай, у тебя от моей болтовни, наверное, уже уши вянут. А твоя мама и говорит...

— Один тип как-то попросил меня выслушать его, — перебила его Гарриет, — и я подставила ему ухо. Зря, зря я это сделала!

Единственным сходством между ним и Дином был черный цвет волос. На этом сходство заканчивалось. Дин был невысок. Бобби даже не ожидал, что он будет таким коротышкой. Он был ниже Гарриет, в которой было примерно пять с половиной футов росту. Когда Гарриет и Дин целовались, то Дину приходилось вытягивать шею. Он был плотно сложен, кряжист, широкоплеч, широкогруд и узок в бедрах. Он носил очки с толстыми стеклами в серой пластмассовой оправе. Глаза у него были цвета олова. Это были глаза застенчивого человека: он посмотрел в глаза Бобби, когда Гарриет представляла их друг другу, потом резко отвел взгляд, потом снова посмотрел в глаза и снова отвел взгляд.

Еще он был стар: в уголках глаз кожа была покрыта паутинкой мимических морщинок. Он был лет на десять старше Гарриет.

Едва они познакомились, как Дин воскликнул:

— А, ты тот самый Бобби, который шутник! Представляешь, мы чуть было не назвали сына в твою честь. Но я обязательно должен тебе объяснить, — извини, но мне четко вбили в голову, что должен, если тебя встречу, — что назвать сынишку Бобби было полностью моей идеей. В честь Бобби Мерсера. Как только я повзрослел настолько, что стал задумываться о том, что у меня когда-нибудь будут дети, я хотел...

— А я смешной! — перебил его малыш.

Дин поднял его, взяв под мышки, и подбросил в воздух:

— Без всякого сомнения!

Бобби не был уверен, что хочет идти с ними обедать, но Гарриет взяла его под руку и повела на выход, на парковку, и ее плечо, такое теплое, касалось его плеча. У Бобби просто не осталось выбора.

Он не замечал, как другие посетители кафе смотрят на них, и вообще не помнил, что они в гриме, до того момента, как подошла официантка. Совсем молоденькая, лет двадцати самое большее, с гривой белокурых кудряшек, которые пружинисто подпрыгивали при ходьбе.

— А мы зомби, — объявил маленький Боб.

— Ясно, — сказала девушка, кивая и указывая на них шариковой ручкой. — Я так думаю, вы либо снимаетесь в ужастике, либо уже попробовали наше специальное блюдо.

Дин засмеялся сухим, клокочущим смехом. Бобби еще не встречал человека, которого настолько легко было рассмешить. Дин хохотал практически над всем, что говорила Гарриет, и над большей частью того, что произнес Бобби. Иногда он так заходился смехом, что люди за соседними столиками начинали в беспокойстве оглядываться. Как только ему удавалось овладеть собой, он сразу начинал извиняться со всей серьезностью, краснея и поблескивая увлажнившимися глазами. И Бобби вдруг смог ответить на вопрос, который не давал ему покоя с той минуты, как он узнал, что Гарриет замужем за Дином: почему этот Дин? Потому что Дин был благодарной аудиторией.

— Если честно, я думал, что ты работаешь в Нью-Йорке, — наконец сказал Дин. — Что заставило тебя вернуться?

— Провал, — сказал Бобби.

— А... Извини. И сейчас чем занимаешься? Где-то здесь играешь в комедиях?

— Можно и так сказать. Только здесь это называется «внештатный учитель».

— Да ты что? Ты учитель! И как тебе?

— Супер. Я всегда мечтал работать либо в кино, либо в средней школе. И сейчас я внештатная звезда у восьмых классов школы. Так что мечта сбылась!

Дин заржал, и кусочки пережеванной куры вылетели у него изо рта.

— Извините. Ужас какой, — сказал он. — Наплевал везде, свинья несчастная.

— Да ладно, не страшно. Попросить официантку принести тебе стаканчик воды? Или удобнее корыто?

Дин захохотал, громко и прерывисто вдыхая воздух, будто в приступе астмы, и согнулся так, что почти попал лбом в тарелку.

— Слушай, перестань.

Бобби перестал, но не потому, что просил Дин. Он только что почувствовал, что Гарриет под столом толкает его коленом. Ему стало интересно, специально она или нет. Как только представилась возможность, он откинулся на спинку стула и заглянул под стол. Нет, она не специально. Она сбросила сандалии и вдавливала пальцы одной ноги в пальцы другой с такой силой, что иногда ее правая нога, раскачиваясь, задевала ногу Бобби.

— Здорово, я бы хотел учиться у такого учителя, как ты, — сказал Дин. — С которым весело.

Бобби что-то жевал, не разбирая вкуса. Казалось, что у еды вкуса нет.

Дин сделал длинный шумный выдох и промокнул уголки глаз.

— А вот я не умею шутить. Я не помню даже бородатых анекдотов. Ни на что, кроме работы, не гожусь. Вот Гарриет здорово умеет хохмить. Иногда она устраивает представления для нас с Бобом, знаешь, надевает грязные носки на руки и вперед. Мы смеемся просто до потери пульса. У нее это называется «Кукольное шоу из грузовика, спонсор — пивоварня „Пабст Блу Риббон“». ⁴

Дин загоготал, стуча кулаком по столу. Гарриет сосредоточенно смотрела на свои колени. Дин сказал:

---

4 «Пабст Блу Риббон» — популярный сорт пива.

— Было бы здорово, если бы она показала что-нибудь в этом духе на шоу у Карсона.⁵ Эту, как ты их называешь? Ну, сценку. Какую-нибудь из твоих проверенных сценок.

— Звучит великолепно, — отозвался Бобби. — Странно, что его кореш Эд Макмахон⁶ тянет время и не звонит ей с предложением.

После того как Дин забросил их обратно в торговый центр и укатил на свою лесопилку, настроение изменилось. Гарриет казалась отстраненной, и было сложно вовлечь ее в разговор, но Бобби особо и не старался. Он сам был раздражен. Все удовольствие от перевоплощения в ходячий труп куда-то испарилось. Осталось только ожидание: момента, когда рабочие настроят освещение; момента, когда Савини подправит рану, переставшую выглядеть натурально и приобретшую вид скорее латексной нашлепки, чем порванной плоти. Бобби от всего этого вдруг стало тошно. Его бесило то, что другим было весело. Несколько зомби стояли группой, играли в сокс⁷ дрожащей красной селезенкой и хохотали. Каждый раз, когда селезенка падала на пол, получался сочный шлепок. Бобби захотелось зарычать на них за то, что они так веселятся. Они что, вообще не слышали о методах актерского мастерства? О методе Станиславского, например? Они сейчас все должны сидеть на почтительном расстоянии друг от друга, печально стелая и почесывая яйца. Уйдя в раздражение, он вдруг застонал вслух, выдал этаким сердитый стон с трудом сдерживаемого разочарования, и маленький Бобби даже спросил, что случилось. Бобби солгал, что репетирует. Маленький Боб пошел смотреть, как играют в сокс.

Не поднимая глаз на Бобби, Гарриет заговорила:

— Неплохой получился обед, правда?

— Обалдеть просто, — сказал Бобби, тут же подумав, что надо быть осторожнее. Он был обеспокоен, заряжен энергией, которую не знал, к чему приложить. — По-моему, мы с Дином отлично ладили. Он напомнил мне деда. Знаешь, у меня был прадед, который умел шевелить ушами и всегда думал, что меня зовут Эван. Он давал мне четвертаки за то, что я складывал ему поленницы. И даже по полдоллара, если я при этом снимал рубашку. Сколько лет Дину?

До этого они медленно брели вместе по залу. После слов Бобби Гарриет остановилась, напряглась. Она резко повернула к нему голову, но ей на глаза упали волосы, и он не смог прочесть ее взгляд.

— Он старше меня на девять лет. И что?..

— Ничего. Я рад, что ты счастлива.

— Я счастлива, — сообщила Гарриет голосом, который был на октаву выше, чем обычно.

— Когда он делал тебе предложение, то стоял на коленях?

Гарриет кивнула, сжав губы, почувствовав подвох.

— И потом ты помогала ему подняться? — спросил Бобби тоже не своим голосом и подумал, что пора остановиться.

Ему представилась сцена из мультфильма: Вайл И. Койот⁸ пристегнут ремнем к локомотиву поезда, он вонзает пятки в железнодорожное полотно, пытаясь затормозить поезд, подошвы его дымятся, багровеют, раздуваются...

— Ну ты и гад, — сказала Гарриет.

— Извини, извини, — усмехнулся он, разводя руками. — Шутка. Я же шутник Бобби. Ничего не могу с собой поделать.

Гарриет колебалась: она вроде хотела от него отвернуться, но пребывала в сомнении, доверять ему или нет. Бобби вытер рот ладонью.

— Итак, мы знаем, как рассмешить Дина. А как Дин смешит тебя? Что он делает, чтобы у тебя забилося сердце? Ну кроме как целует тебя, вытаскивая зубной протез?

⁵ Карсон — американский шоумен, ведущий знаменитого «Шоу Джонни Карсона».

⁶ Эд Макмахон — друг и коллега Джонни Карсона.

⁷ Сокс (хаки-сак, футбэг) — игра, в которой используется маленький тряпичный или вязанный мячик. Площадка для игры — круг 2–3 м диаметром.

⁸ Вайл И. Койот — герой мультсериала «Луни Тьюнз» («Looney Tunes»).

— Отвали, Боб, — отрезала Гарриет.

Она отвернулась, чтобы уйти, но он обошел ее и встал на пути, не пропуская.

— Не отвалю.

— Перестань.

— Не могу, — сказал он, вдруг осознав, что зол на нее. — Дин не умеет шутить, но он же должен хоть что-то из себя представлять. Я хочу знать, что!

— У него есть терпение.

— Вот как, терпение, — повторил Бобби, шокированный таким ответом.

— Он терпелив со мной.

— С тобой.

— Да, и с Робертом.

— Терпелив, — сказал Бобби.

На некоторое время он потерял дар речи, потому что ему перестало хватать воздуха. Лицо вдруг зачесалось под слоем грима. Лучше было бы, чтобы, как только он начал давить на нее, она повернулась и ушла, или послала его подальше, или влепила пощечину, но только не говорила бы, что Дин «терпелив». Бобби сглотнул.

— Этого недостаточно. — Его уже несло. Поезд устремляется под откос, и у Вайл И. Койота глаза от ужаса выскочили из орбит метра на три. — Я хотел увидеть твоего мужа и умереть от ревности, но меня просто тошнит. Я думал, ты влюбилась в какого-нибудь красивого, умного и творческого человека, писателя, драматурга, человека с чувством юмора и четырнадцатидюймовым инструментом. А никак не в парня с ежиком на голове и лесопилкой в кармане, который считает, что эротический массаж делают не иначе как со спортивным бальзамом!

Гарриет размазывала по щекам слезы.

— Я знала, что он тебе не понравится, но не ожидала, что ты будешь язвой.

— Он мне не то чтобы не нравится. При чем здесь «нравится» или «не нравится»? Он делает то, что будет делать любой другой человек в его положении. Если бы я имел два фута роста плюс старческие болезни, то я прыгал бы от счастья, если бы у меня получилось заарканить такую офигенную женщину, как ты. Конечно, он очень, очень терпелив. Еще бы. Он вообще должен, стоя на коленях, ежедневно умащивать твои ноги священными маслами и бальзамами за то, что ты посмотрела в его сторону.

— У тебя тоже был шанс, — сказала Гарриет, стараясь изо всех сил, чтобы не брызнули слезы. Ее лицо, подергивавшееся от усилия сдерживать рыдания, превратилось в гримасу.

— Да я не про свои шансы, а про твои!

На этот раз она бросила его и ушла, закрыв лицо руками. Ее плечи тряслись, и она уже не могла скрыть, что плачет навзрыд. Бобби проводил ее взглядом. Она обошла фонтан, у которого они встретились, и встала у стены. Бобби вспомнил про малыша и стал осматриваться по сторонам. Его сердце тревожно забило: он боялся, что маленький Боб мог что-то увидеть или услышать. Но ребенок носился по широкому проходу, гоняя ногами селезенку, которая уже собрала на себя всю возможную грязь. Два других мальчика-зомби бежали рядом, пытаясь отобрать у него игрушку.

Некоторое время Бобби наблюдал за игрой. Кто-то из них пнул селезенку слишком сильно, и она полетела по направлению к Бобби. Он остановил ее ногой. Под ботинком она неприятно пружинила. Мальчишки подбежали и остановились метрах в трех от него, запыхавшиеся, с нетерпением ожидающие паса. Бобби поднял селезенку на ногу.

— Лови! — крикнул он и сделал высокую передачу на Бобби, который поймал «мяч» ладонями и, прижав к груди и низко опустив голову, прорвался через заслон своих приятелей и умчался, преследуемый ими.

Когда он повернулся, чтобы взглянуть на Гарриет, то увидел, что она сидит, прижав руки к коленям ладонями вниз и смотрит на него. Он думал, что она отведет взгляд, но она не стала этого делать, и он понял это как приглашение подойти.

Он перебрался к фонтану и сел рядом с ней. Он еще не решил, с чего начать

извиняться, но она заговорила первая.

— Я же тебе писала. А ты перестал мне отвечать, — сказала она, снова сражаясь пальцами одной ноги с пальцами другой.

— Вообще странно, что твоя правая нога так обижает левую, — сказал Бобби. — Почему она не дает ей покоя?

Гарриет его не слушала.

— Но это не имело значения, — продолжила она глухим, хрипловатым от слез голосом. Грим был на масляной основе и поэтому не потек от слез. — Я не злилась. Я знала, что у нас не могло быть отношений, если бы мы стали встречаться раз в год на Рождество. — Гарриет сглотнула. — Я думала, что ты обязательно попадешь в какой-нибудь телесериал. Каждый раз, когда я думала об этом, — как тебя покажут по телику и как все будут смеяться над твоими шутками, — я сразу начинала глупо улыбаться. Я не представляю, что могло заставить тебя вернуться обратно в Монровилль.

Но он уже говорил, что привело его обратно в родительский дом, в его комнату над гаражом. Дин тоже спрашивал, и Бобби ответил очень честно.

Однажды в четверг вечером, прошлой весной, он работал в клубе в Гринвич-Виллидж.⁹ Он выступил с двадцатиминутной программой и получил в награду довольно приличный смех, хотя и не из ряда вон выходящий, и даже услышал жиденькие аплодисменты, когда сходил со сцены. Потом он занял место за барной стойкой, чтобы послушать выступления других артистов. Он почти уже соскочил с табурета, чтобы отправиться домой, как на сцену запрыгнул Робин Уильяме. Он был в городе для съемок «Субботнего вечера в прямом эфире» и бороздил клубные просторы, отрабатывая репертуар. Бобби быстро взгромоздился обратно на табурет и стал слушать, чувствуя, как от волнения где-то в горле стучит пульс.

Он не мог объяснить Гарриет важность того, чему стал свидетелем. А увидел он, как какой-то человек сидел, вцепившись одной рукой в столешницу, а другой в своей спутницы, и сжимал и то и другое настолько сильно, что у него побелели костяшки пальцев. Он сгибался пополам, слезы текли у него из глаз, а смех был таким резким и даже истеричным, что больше походил на звуки, издаваемые животным, на лай собаки динго, чем на что-то человеческое. Он мотал головой из стороны в сторону, как бы умоляя: «Перестань, прекрати делать это со мной, пожалуйста». Это было веселье, граничившее с катастрофой.

Робин Уильяме заметил беднягу и, прервав монолог о мастурбации, показал на него и крикнул:

— Ты! Да, ты, человек бешеная гиена! Ты получаешь бесплатный пропуск на все шоу до конца моей долбаной жизни!

А потом среди слушателей поднялся шум — не просто смех или аплодисменты, а именно шум, который включал в себя и то и другое. Это был низкий, подобный далеким грозовым раскатам звук наслаждения, не поддающегося контролю, настолько сильный, что не просто был слышен, но ощущаем всем телом, и у Бобби даже заныли ребра.

Сам он ни разу не засмеялся, а когда уходил, у него от переживаний скрутило живот. В ногах появилось странное ощущение тяжести, они еле поднимались над асфальтом. Некоторое время он не понимал, куда шел. Оказавшись у себя дома, он сел на край кровати, стащил подтяжки, расстегнул рубашку и впервые за все время осознал, что все безнадежно.

Он вдруг заметил, как что-то блестит в руке Гарриет. Она подбрасывала на ладони несколько монет.

— Собираешься звонить? — спросил он.

— Да, Дину. Чтобы заехал за нами.

— Не уезжай.

— Я не останусь. Не могу.

Он посмотрел на ее замученные друг другом ноги, все еще занятые борьбой, и кивнул. Они поднялись с места одновременно. И снова оказались в неудобной близости.

— Ну пока, — сказала Гарриет.

---

⁹ Гринвич-Виллидж — район Нью-Йорка, считающийся богемным.

— Ну давай.

Бобби хотел взять ее за руку, но не стал делать этого. Он хотел сказать что-нибудь, но не смог придумать что.

— Здесь найдется пара добровольцев получить порцию свинца? — вдруг раздался голос Джорджа Ромеро всего лишь в метре от них. — Это гарантирует вам крупный план в смонтированном фильме!

Бобби и Гарриет одновременно подняли руки.

— Я! — выкрикнул Бобби.

— Я! — отозвалась Гарриет и, наступив Бобби на ногу, вышла вперед, чтобы привлечь внимание Ромеро. — Я!

— Фильм будет отличный, мистер Ромеро, — говорил Бобби.

Они стояли плечом к плечу, ведя светскую беседу в ожидании того момента, когда Савини закончит обвязывать проводами Гарриет. Проводка делалась для хлопушки — презерватива, заполненного частично сахарным сиропом и частично пищевым красителем, — которая должна будет взорваться и создать при этом видимость пулевого ранения. Бобби был уже готов и на взводе.

— Когда-нибудь все в Питсбурге будут гордиться тем, что изображали в этом фильме ходячие трупы.

— Вы профессионально лижете зад, — отвечивал Ромеро. — У вас есть опыт работы в шоу-бизнесе?

— Шесть лет Бродвея. Плюс еще я выступал чуть ли не во всех комедийных клубах.

— Вон что, а теперь, значит, вернулись в великий Питсбург. Просто невероятный взлет карьеры, парень. Оставайся здесь, и ты в мгновение ока станешь звездой.

К ним подскочила Гарриет, да так, что у нее вверх-вниз подпрыгнули волосы.

— Мне отстрелят грудь! — сообщила она.

— Очаровательно, — отозвался Бобби. — Надо просто жить и радоваться, потому что никто не знает, в какой момент с нами может приключиться что-то удивительное.

Джордж Ромеро отвел их на места и объяснил, что от них хочет. Осветительные лампы были направлены в ярко-серебристые зонты, которые создавали ровный белый свет и сухое тепло в радиусе трех метров. Бугристый полосатый матрас покоился на плиточном полу, прижавшись к одной стороне квадратной колонны.

Сначала выстрелят в грудь Гарриет. Ей нужно будет шарахнуть назад, прогнуться, но потом продолжить наступление, по возможности не показывая никакой реакции на ранение. Следующая пуля предназначалась для головы Бобби и должна была его уложить.

Хлопушка скрывалась под одной из латексных складок раны, а провода прятались у него под волосами,

— Вы рухнете вниз, свалитесь на бок и исчезнете из кадра, — инструктировал Ромеро. — Если хотите, то перед тем, как убраться из кадра, упадите на одно колено. Если вы в хорошей физической форме, можете попробовать упасть назад на спину, но постарайтесь попасть на матрас. Главное — обойтись без травм.

В сцене участвовали только Бобби и Гарриет, и их снимали крупным планом по пояс. Остальные участники массовки выстроились вдоль стены коридора, наблюдая за происходящим. Их внимание и обсуждения вполголоса вызвали в крови Бобби выброс адреналина. Том Савини встал на колени, как раз на границе кадра, держа в руке металлическую коробку, из которой по полу ползли провода, заканчивавшиеся на Бобби и Гарриет. Рядом с ним устроился маленький Боб, положив подбородок на ладошки, в которых он все еще сжимал селезенку. В его глазах светилось нетерпение. Савини рассказал ему все, что должно произойти, подготовив ребенка к виду того, как из груди его матери хлынет кровь, но малыш совершенно не беспокоился:

— Я сегодня целый день вижу всякую гадость. И ничего, не страшно. Мне нравится.

Савини разрешил ему оставить себе селезенку в качестве сувенира.

— Поехали, — сказал Ромеро.

Бобби вздрогнул: что, уже начинают? Он же только-только закончил объяснять им задачу. Кошмар, Ромеро стоит перед камерой! На секунду Бобби схватил Гарриет за руку. Она сжала его пальцы в ответ.

Ромеро отступил в сторону:

— Мотор!

Бобби закатил глаза и перестал видеть, куда идет. Он ослабил мышцы лица и сделал тяжеловесный шаг вперед.

— Стреляйте в женщину, — скомандовал Ромеро.

Бобби не видел, как разорвалась ее хлопушка, потому что был на шаг впереди Гарриет. Но он слышал громкий, звенящий хлопок, который даже создал эхо. А еще он почувствовал, как в нос ударил едкий запах пороха. Гарриет негромко охнула.

— Та-а-ак, теперь второго, — сказал Ромеро.

Бобби показалось, что где-то рядом с его ухом выстрелил пистолет. Звук хлопушки был настолько громким, что на мгновение даже оглушил его. Он дернулся назад, резко повернувшись на каблуках, и налетел на что-то плечом. Он не видел, на что. Затуманенным взглядом ему удалось поймать вблизи от себя часть колонны, рядом с которой лежал матрас, и в этот миг его посетило вдохновение. Падая, он впечатался лбом в колонну и, отвалившись от нее, оставил после себя на белой штукатурке размазанное алое пятно.

Он свалился на матрас, который оказался достаточно упругим и смягчил падение. Он моргнул. Глаза слезились, искажая обзор, визуальное деформируя предметы. Воздух над ним был наполнен синеватым дымом. Где-то в области макушки болела голова. Лицо было залито прохладной липкой жидкостью. Звон в ушах постепенно проходил, и он в один и тот же момент осознал две вещи. Первое — что слышен далекий, густой звук аплодисментов. Этот звук наполнил его, словно воздух. К нему двигался Джордж Ромеро, улыбаясь и демонстрируя ямочки на заросших бородой щеках. И второе: он заметил, что рядом с ним лежит Гарриет, обнимая его, и ее рука находится у него на груди.

— Я сбил тебя с ног? — спросил он.

— Ага.

— Я знал, что затащить тебя в постель — это всего лишь вопрос времени.

Гарриет улыбнулась легкой, довольной улыбкой, которую в этот день он видел в первый раз. Он чувствовал боком, как поднимается и опускается ее пропитанная кровью грудь.

Малыш Боб подбежал к матрасу и запрыгнул на него, присоединившись к ним. Гарриет взяла его под мышки и закатила в узкое пространство между собой и Бобби. Малыш хихикнул и засунул в рот большой палец. Его голова была рядом с головой Бобби, и он неожиданно учуял запах детского шампуня: он пах дыней.

Через малыша Гарриет наблюдала за Бобби, все так же легко улыбаясь. Бобби перевел взгляд на потолок, на окна в нем и ясное, синее небо за ними. Ему совершенно не хотелось вставать и двигаться дальше, к следующим мгновениям жизни. Он задался вопросом, чем занималась Гарриет, когда Дин был на работе, а малыш Бобби в школе. Завтра понедельник, он еще не знает, будут у него уроки или нет. Он надеялся, что нет. Ему предстояла рабочая неделя, не заполненная ничем важным и ответственным, представлявшая из себя сплошную неограниченную возможность. Они лежали на матрасе втроем, совсем рядом, и единственными движениями их тел были те, которые необходимы, чтобы дышать.

К ним подошел Джордж Ромеро, качая головой.

— Мне понравилось, как вы врезались в колонну и оставили этот кровавый отпечаток. Давайте повторим. На этот раз мы размажем по колонне немного мозгов. Что скажете, ребята? Будем переснимать?

— Да, — сказал Бобби.

— Да, — отозвалась Гарриет. — Да.

— Переснимите, пожалуйста, — разрешил малыш Боб, посасывая большой палец.

— Значит, единогласно, — подытожил Бобби. — Давайте переснимем.